

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Алексея Федорочева
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

ВИДЯЩИЙ. ПЕРВЫЙ ШАГ
ВИДЯЩИЙ. ЛЕСТНИЦА В НЕБО

Алексей ФЕДОРОВ

**ВИДЯЩИЙ.
ЛЕСТНИЦА В НЕБО**

Роман

Москва, 2017
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Ф33

Серия основана в 2004 году
Выпуск 653

Художник
В. Федоров

Федорочев А. А.
Ф33 Видящий. Лестница в небо: Фантастический роман. —
М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 409 с.:
ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-2493-1

Неприятно узнать, что твоя жизнь кем-то распланирована, а счастливого конца не предусмотрено. Казалось бы, только взял судьбу в свои руки, как тут же найдется те, кто считает иначе. Новоявленные родственники, спецслужбы и аристократия водят вокруг хоровод, желая подмять талантливого юношу под себя. Что ж, Егору не привыкать: где-то кровью, где-то хитростью, а где-то компромиссами приходится выстраивать собственную лестницу в небо.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Федорочев А. А., 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ISBN 978-5-9922-2493-1

ГЛАВА 1

Просыпаться было... мерзко.

Очнулся я в небольшой камере с повязкой на голове, без своей одежды и личных вещей, обряженный в казенные оранжевые тряпки. Помимо боли в пострадавшей башке ныли зубы, да и общее самочувствие было не ахти. Ладно еще унитаз в камере нормальный да крохотный умывальник имелся: по слухам, могло и этого не быть — дырка в полу, и все.

Лечение шло тяжело. Сволочные блокираторы, встроенные в стены, постоянно сбивали настрой, но постепенно я приспособился. Кого другого в такой ситуации вряд ли вылечил бы, но себя — проще. Вся фишка в том, что пока энергия внутри меня — артефакту ее в разы сложнее вытянуть. Тут мне очень помогло знакомство с вампиреньшем Ярцевым: помимо общего понятия о действии блокираторов, я подсмотрел у него приемы, помогающие контролировать источник, к которым он неоднократно прибегал в присутствии других людей. Вкратце, все сводилось к одному: не давать *силе* покидать пределы тела, а в идеале — источника. Те же самые приемы пришлось практиковать и мне, методом проб и ошибок подгоняя их к векторам своих *стихий*. Муторное занятие, но делать все равно было нечего. Заодно и в медитации потренировался, благо ничто не отвлекало. Отпуск же, блин... Отдыхаю типа!

Самое смешное, что еще пара недель — и я сам, добровольно пришел бы сюда и рассказал все, что знал про заговор. Прямо скажем, знал я немного, в делах руководства училища был замазан только как жертва, гораздо больше потом понял из скопированных материалов. Все бы ничего, если б не клятый дедов архив! Знал бы дед, сколько мороки будет у меня из-за этого наследства! Раз Милославский Митьку под крыло взял, значит, брат свою часть благополучно слил адресату, но он ведь мог что-то пропустить, именно для этого старик вдалбливал нам все эти истории обоим. А там не просто информация, там бомба,

несмотря на давность. Одни только имена его личных «спящих» агентов чего стоят, а ведь многие из них все еще живы-здоровы, кое-кто еще и работает до сих пор. А еще подробности операций, явки и куча других неинтересных мне лично данных, но, вероятно, бесценных для главы ПГБ.

Бегать от безопасников всю жизнь я точно не собирался. Может, это мое прошлое так аукается, но я всегда был убежден, что система в конце концов переиграет одиночку, как бы тот ни прятался, что, кстати, в итоге лично со мной и случилось. И однозначно трезво оценивал свои умения по этой части. Ну не Штирлиц я, чтоб годами как мышь под веником сидеть, на чужое имя откликаться. Да я имя Гена на всю жизнь возненавидел!

И уж тем более не собирался решать проблему силовыми методами. Ну допустим, убил бы я группу захвата. И что? А я ведь именно это чуть не сделал. В перерывах между экзаменами, чтобы отвлечься от зубрежки, я тренировал водные лезвия, поэтому именно их в первый момент и сформировал. И опыт Шамана меня ничему не научил, а ведь и он когда-то именно машинальным использованием этой техники все свои неприятности заполучил. Сбил бы Волкова просто водной струей — его жизнь по-другому повернулась бы.

Ладно, в сторону лирику. А факт в том, что не готов я был отражать нападение, не о том думал, когда на лестницу мчался. А единственная гарантированно нелетальная техника в моем исполнении — усыпление — ни разу не боевая, потому как требует нехилой концентрации и хоть какого-то времени на подготовку. А я в первый момент, повторюсь, водные лезвия складывать начал. Вот и вышло, что пока оценил обстановку, пока сделал одно, пока опомнился и рассеял — все время и истратил. А так бы, может, и ушел бы. Потом, понятно, сконцентрироваться уже вообще некогда было. Хотя до последнего надеялся, что удастся уйти. Э-хе-хе...

В принципе, даже этого неизвестного гада Рогова где-то понимаю: в той ситуации боец действовал правильно. Жестко, жестоко, но правильно. Они ж вообще, судя по действиям, считали, что на обычное задержание идут, никаких спецсредств не применяли. А против колдуна у обычного человека шанс один — вырубить на хрен, чтоб не очнулся.

Три дня меня мариновали в неизвестности: наверное, чтоб проникся. Тишина в камере была потрясающая, ни звука не доносилось извне. Жратву просовывали сквозь окошечко, вопро-

сы игнорировали, удобства были. Только на перевязках живых людей и видел. Курорт!

На четвертый посадили в автозак и отправили в Петербург. Точнее, это я решил, что в Петербург, мне-то никто ничего не объяснял. Ну хоть какая-то смена обстановки. Поездка вышла занимательной. До сих пор видел конвойные машины только снаружи, а тут вот сподобился изнутри оценить. И, главное, какое общество! Можно сказать, самые его сливки! Рогов и Ко! Узнать обидчика не узнал, но кто-то при посадке неосторожно позвал его по фамилии.

— Что, щенок, несладко в блокираторе?

Ответ не требуется, так что молчу.

— О! Гордый! А когда валялся в пыли, гордым не был!

— Василь, не нарывайся! — предостерегает капитана товарищ.

— Что не нарывайся? Из-за этого уродца Женька с Иваном погибли!

— Не из-за него, а из-за «дúхов». Василь, кончай: нарвемся, опять нас отправят к черту на куличики!

— Во-во! Слышь, гад! Из-за тебя мы полгода в Азии пыль глотали. Двое хороших парней погибли. Жаль, я тебя мало приголубил. Когда тебя к стенке поведут, я в расстрельную команду попрошусь — хочу свинцовый подарочек лично вручить.

По-моему, у этого кадра проблемы с психикой.

— Вряд ли.

— Что ты там вякнул? — Капитан разошелся не на шутку.

— Василь!!!

— Вряд ли поведут расстреливать. — Голос после трех суток молчания звучит хрипло.

— Тогда я тебя сейчас сам шлепну! — Рогов схватился за кобуру.

— Василь!!! Капитан!!! Сядь на место! — Второй конвоир с силой усаживает приятеля на сиденье.

— Живи, щенок! За твою гребаную жизнь кровью наших ребят заплачено...

Да... Накипело у мужика... Как-то и мстить теперь...

Спокойствия Рогова хватило ненадолго, уже минут через двадцать он снова стал выступать с теми же претензиями ко мне, а второй конвоир, у которого я знал только звание — лейтенант и имя — Игорь, опять же начал его успокаивать. Что меня страшно взбесило в машине и злило еще потом некоторое время — это то, что вначале я поверил в этот спектакль. И даже немного успел посопереживать этому гаду. Я ведь терял друзей:

кого-то в бою, кого-то просто по возрасту, но никогда не приходило мне в голову спекулировать на этой теме. А тут... Еще и по матушке проехался своим грязным языком.

Ну вот хоть убейте, не верю я, что в серьезной конторе, а речь идет не о заштатном филиале, а о Московском — втором по значимости (после Петербургского) отделении ПГБ, держат таких неадекватов. И тем более отправляют их конвоировать непосредственного виновника неприятностей. Что, других людей не нашлось? Грубовато работаете, товарищи!

Отрешившись от происходящего, начал готовить ответку. К счастью (моему, разумеется), ручные и ножные браслеты с блокирующей начинкой далеко не полностью перекрывали возможности тела. Да, колдовать удобнее руками, но если знать, что *силу* проводят не гипотетические «магические каналы», а всего лишь насыщенные алексиумом кости, то открывается некоторый простор для маневра. Колдунствовать позвоночником — это, конечно, та еще задача, но проблема не в возможности, а в желании и воображении. И с тем и с другим к концу поездки у меня был полный порядок, Рогов постарался.

Поэтому, когда капитан, выводя меня на свет божий, вдруг упал и забился в судорогах, пуская пену изо рта, шокированы были все, кроме меня. Круциатос — это больно, черт возьми! Крыски, ваша смерть не была напрасной — техника нашла своего героя! Хорошо быть начитанным!

К слову, на меня никто и не подумал. Каких только версий не услышал — и эпилепсия, и сердечный приступ, и отравление. Ничего общего с действительностью.

А вот нечего было хлопать своей немытой лапой мне по шее — здоровее был бы!

Поднявшаяся суета вокруг Рогова дала мне возможность оценить новое место пребывания. Если не ошибаюсь — все-таки Петербург, но здание мне незнакомо. Что ж, здравствуй, столица!

Одиночка в Питере ничем не отличалась от одиночки в Москве. Что поделать — типовой проект. Всю ночь пытался настроиться на предстоящую встречу, но выходило плохо. Лишь под утро забылся тревожным сном с единственной здоровой мыслью: «Будь что будет!»

А вот Милославский не зря считается хитромудрым. Все мои заготовки на разговор он поломал с ходу — на следующий день первым в камеру просочился Митька.

— Горыныч! Живой! Змеюка подколодная, как же я за тебя переживал!

— Митяй! Вымахал, отъелся! Да как тебя земля, такого медведя, носит? — С трудом выбираюсь из крепких объятий и оглядываю сильно выросшего брата.

— Навел ты шороху! Все училище месяц трясли! Как ты?

— Как видишь — лучшие апартаменты выделили! — рукой обвожу окружающую обстановку.

— Это временно, разберутся. Горка! Как же я рад, что тебя наконец нашли! — И снова бросается обниматься.

А уж как я-то рад, не передать...

— Слушай, ты ж худой такой, седой! Тяжко пришлось?

— Где седой?

Как «седой»? Откуда?

— Вот здесь. — Брат проводит по едва залеченному месту удара берцем.

— А, здесь... Это меня нашли так. Хорошо искали.

— Тихон Сергеевич! — В камере появилось новое действующее лицо. — За что его так? Почему он вообще в камере? Он что, натворил что-то?

— Разберемся, Дима! — И уже в сторону охраны: — Я его забираю!

Ну вот, пошла игра. Ставка — свобода.

В кабинете Милославского Митька опять бросился тормозить и расспрашивать меня, но Тихон Сергеевич вскоре пресек разговор:

— Убедился, что брат живой?

— Да.

— Тогда езжай домой. А мы тут будем утрясать формальности. Потом наговоритесь.

— Хорошо. Спасибо, Тихон Сергеевич! А маме можно сказать?

— Скажи, только пусть она пока дома сидит, ее сюда не пустят. Разберемся во всем — сам сообщу.

— Егор, как же я рад! Ты не представляешь, как я рад! — Напоследок Митька еще раз стискивает меня. — Разбирайся скорее, я соскучился!

Хлопок двери оставляет меня наедине с Милославским.

— Ну что, набегался? — Несмотря на утро, Тихон Сергеевич выглядит усталым. Он вообще сильно отличается от сложившегося у меня образа: и ростом поменьше, и морщин побольше, и плешь пошире.

— Чего бежал-то?

Пожимаю плечами:

— А я откуда знать мог, что это ваши люди?

— Ой, малец, не юли. Знал ты все... — Жду, что мужчина продолжит мысль, но тот испытывающе смотрит на меня в ожидании ответа.

— Испугался. Пуганый я.

— Н-да... А я ведь спасибо тебе сказать хотел...

— Оу! Боюсь даже представить, как бы вы порицание выразили... Котлет наделали бы?

— Н-да... Прости. Хреново все вышло... — Спустя долгую паузу Милославский продолжает: — Как ты Залесского заподозрил?

— Заподозрил?! Да на него транспарант можно было вешать: «Виновен!» С учеником ЧП, три дня в лазарете со срывом источника валяется, а виновник в соседней палате лечится! И никто ни сном ни духом! Потом еще в кабинете у него поковырялся. Вы ж знаете!

— Я-то знаю. Мне ход твоих мыслей интересен. Потешь старика.

— Ход мыслей... — После насыщенных двух лет уже трудно вспомнить, что я там накручивал, лежа в лазарете. — Ход мыслей... Я Андреаса давно подозревал, странные это тренировки были. И брату говорил, и доктору, и учителям. Только мне не верил никто. Раскачка источника — дело травмоопасное, не один я после занятий отлеживался у Михаила Игнатьевича. А когда очнулся — сообразил наконец, что без отмашки Залесского Скинкис вряд ли что-то самостоятельно предпринимал бы. Их отношения видеть надо было — Андреас на завуча, как собака на хозяина, смотрел, хвоста только, чтоб вилять, не было. А там оно само как-то сложилось...

— Само сложилось... Это хорошо, что сложилось. Судьба вам там незавидная уготована была. — Милославский тяжело поднялся из кресла и встал у окна, задумчиво глядя на городской пейзаж.

— Уж догадался. Потому и тревогу поднял.

— А почему не остался? Мои люди уже спустя полчаса здание оцепили. — Ни на секунду не обманываюсь ленивым усталым тоном — не тот он человек.

— Боялся, что убьют, — просто отвечаю я, — особенно когда архив его мельком просмотрел. Где гарантия, что вы ночному звонку поверите? Да я сам до последнего не знал, что номер правильно набираю.

— Ну ладно, здесь я тебе верю. Испугался, метнулся, как заяц, прочь. Потом-то чего не вернулся?

Почему-почему!.. Потому что не был уже мальчиком Егором! Только знать это кому-то необязательно.

— Сначала слишком далеко убежал. А потом вернулся: мать по-прежнему в коме, Митьки нет, возвращаться в училище бессмысленно — источник перегорел. Денег тоже нет. Попробовал к Шаврину обратиться — тот сначала вроде нормально себя повел, а потом схватить попытался. На нем же не написано, по чьему приказу это делает! В общем, как вернулся, так и повернулся.

— Хм... Наслышан... Бегать ты наловчился... — Тихон Сергеевич наконец оторвался от занимательного вида за окном и вернулся за стол.

— В школу, как я понял, ты идти доучиваться не собираешься. Аттестат получил, даже неплохой, судя по оценкам. Источник восстановил или восстанавливаешь. Какие теперь планы?

— Жить. Учиться дальше. С Митькой и матерью хоть нормально пообщаюсь в кои-то веки, соскучился.

— Хорошо. Сейчас Роман Захарович тебя по училищу опросит — расскажешь все, как было. Жить пока здесь будешь. Не переживай, в камеру больше не посадят — в спецгостинице несколько дней проведешь. — Тихон Сергеевич устало трет переносицу и продолжает выдавать указания: — Про архив никому ни слова. По нему отдельно с тобой говорить буду.

Киваю; так и знал, что все из-за этой информации.

— Если что натворил в бегах, говори сейчас, я подумаю, чем помочь тебе.

Ага, вот прям сейчас исповедоваться начну... все преступления свои вспомню и выложу...

— Да ничего такого. Скрывался, источник восстанавливал.

— Как знаешь. Жил где?

— В Москве в основном. Город большой, затеряться несложно.

— А на что?

— Подрабатывал. То здесь, то там...

— Н-да... Что ж, как знаешь, — повторился Милославский, — бежать отсюда не вздумай только, это тебе не училище ваше, шутить никто не будет. Понятно?

— Бегать не буду — набегался, за это можете не волноваться.

— Ну-ну, иди. Охрана проводит, — и вызвал через секретаря очередных конвоиров.

Уже на пороге, в спину доносится:

— Егор... Спасибо.

Что ж, первый раунд, будем считать, за мной. Обвинений никаких не предъявляют, что уже хорошо, с этих станется! Угроз тоже нет. Спасибо вон даже сказали. Только это ничего не значит. Основной бой еще впереди.

Два дня отчитывался по училищу. Чувствовалось, что эта тема уже в прошлом, так как опрашивали только для галочки. Разве что на тренировках с Андреасом внимание заострили (все про его приемы расспрашивали) да на том, как ушел из лазарета: кто помог и т.д. Мстительно сдал Гришку. А что? Не соврал же ни разу. Пусть этот кадр пэгэбэшникам расскажет, с какими такими целями мальчишку похищал.

Еще семь дней по приказу Тихона Сергеевича добросовестно описываю дедовы истории. К концу каждого дня пальцы болят от ручки, но компьютерам в этой конторе не доверяют. Подозреваю, что помимо самих данных Милославский проверяет еще и Митьку: все ли тот выложил; но глупо считать нашего деда недалновидным. Все, что можно слить, он обозначил, уж не знаю как. В мозгах словно лампочка загорается напротив каждого случая: красная — оставить в семье, зеленая — сдать государству. К примеру, все тайные счета обозначены красным, что в какой-то степени верно — деньги это были лично Елизара Андреевича, а значит, являются Митькиным наследством. А вот агентов сдаю почти всех, кроме тех нескольких, что уже будут братьевыми. И так во всем. Интересно, как можно было добиться такого эффекта? Явно маменькина работа, старик *жизнью* не владел; надо будет потом уточнить у родительницы. Полезный навык.

И считаю, считаю дни. Вся эта тягомотина, раз не удалось по-хорошему, мне сейчас на руку. Будущих дворян, конечно, проверяют, но есть крохотный такой нюансик — проверкой занимается ЕИВ СБ с заклятым товарищем-конкурентом Милославского — Лопухиным-Задунайским во главе. Это, кстати, то ли шурин, то ли зять знакомого мне князя: не совсем разобрался в степени родства. А учитывая, что искал меня Тихон Сергеевич исключительно ради архива — вряд ли он поделился с ними информацией. Так что есть огромная вероятность, что прошение идет своим чередом по инстанциям, а это занимает в среднем две недели. Если Орбитин не соврал и выполнил свою часть сделки, то примерно к 10 июля указ должен быть подписан. Но хотя бы пару дней лучше выдержать.

Новый разговор с главой ПГБ состоялся уже у него в особняке. По случаю окончания писанины меня выпустили из опостылевшей гостиницы, но не на волю, как мне хотелось бы, а

вежливо, но твердо сопроводили в личное жилище императорского советника. Там наконец встретился и с Митькой, гостившим у Милославского, и с матерью. Ох и наговорились же!

У Митьки восторг от всего. Как бы мать о нас ни заботилась, но устроить в Царскосельский лицей было не в ее силах. А тут тебе все известные фамилии, еще и Морозовы осторожно им интересоваться начали. Конечно, не все так гладко у него, как он рассказывает — есть свои проблемы, но в целом он доволен поворотом судьбы и перемен не ищет.

Дождавшись, когда мать уедет на дежурство, братишка вытащил меня в сад, где долго собирался с духом, прежде чем перейти к серьезному разговору.

— Короче, Горыныч, тут такая тема... Даже и не знаю, как сказать...

Кажется, я догадываюсь, что за новость у него.

— Скажи как есть.

— Как есть?.. Хорошо... Мы не родные братья... — набрался наконец он храбрости.

— Знаю.

— Откуда? Мать рассказала?!

— Нет, не она. Сам докопался, случайно, правда. Ну а потом уже, конечно, к матери разбираться пошел. Вот тогда она и подтвердила. Глупо отпираться было, когда у меня фотографии на руках.

— Что за фотографии?

— Свадебные, твоих родителей. В архиве к брачному договору приложены были.

— Жаль, не знал. Дед говорил, ни одного изображения не осталось, — Митька тяжело вздыхает, — да и отцовских-то раз-два и обчелся.

— Я откопировал. Приеду в Москву — вышлю.

— Вот об этом-то я и хочу с тобой поговорить. Милославский тебя не отпустит.

— Догадываюсь. А ты?

— А вот тут, Горыныч, собака и зарыта. Я сейчас — несовершеннолетний и под опекой Тихона Сергеевича. Матери опеку он возвращать не спешит. Ты не думай, меня тут все устраивает — я для себя выбрал. Милославский не вечен, лет через пятнадцать—двадцать на покой уйдет. Пока он мне покровительствует — успею вес набрать. Плюс Морозовы хотят меня в клан вернуть, хотя бы через женитьбу, так что с их стороны тоже протекция ожидается. До главы приказа, может, и не дорасту, а вот до его заместителя — запросто.

— Но?.. — Неспроста же брат этот разговор затеял.

— Стану я Морозовым или нет — это вопрос отдаленного будущего, а Милославский есть здесь и сейчас. И если ты останешься, Тихон Сергеевич тебя вперед двигать будет. А мне, как понимаешь, это невыгодно. Ни сейчас, ни потом, — честно, как на духу, признается Митька.

— С чего ты взял, что так будет? Мне он ничего такого не говорил... — удивляюсь выводам брата — вряд ли Милославский с ним эти перспективы рассматривал.

— Подслушал. Он с помощником обсуждал планы на тебя. Все восхищался, как ты в училище заговор заподозрил на одних косвенных. Все ведь видели, что там творилось, но никто таких выводов не сделал. Даже я. — Митяй остановился под яблоней и стал нервно обдирать с нее листочки. — И скрывался ты потом сам долго, если б тебя девка твоя не сдала — мог бы и дальше жить как жил.

— Да не особо сладко мне жилось — расскажу потом как-нибудь... но я тебя понял. И за честность спасибо, я это оценил. — Пришел мой черед задуматься.

Вот уж не ожидал, что Митьке мой уход на руку окажется, но его резоны мне ясны. Не будет меня — его карьера может лучше сложиться, если он правильно понял своего патрона. А учитывая, что я как раз не горю желанием служить в этой структуре, никакого отторжения позиция брата у меня не вызвала. Наоборот: по-моему, было бы гораздо хуже, если б он злобу втихаря затаил да подставил потом как-нибудь.

Пока я думал, Митька общипал еще несколько веток и теперь старательно отламывал лысые прутья. Обоим нам нелегко давался этот разговор.

— Я в ПГБ никогда не хотел, — вполголоса признаюсь, — это вы с дедом всегда на одной волне были, а я просто за вами тянулся. Так что с моей стороны конкуренции тебе не будет. — Мой черед собираться с духом. — Митяй, я все сказать боялся, не знал, как ты воспримешь... Я прошение на свой род подал. Как раз в тот день, когда меня взяли.

Митькины глаза зажглись озорным огоньком:

— А Тихон Сергеевич знает?

— Да кто ж его ведает, что он знает, а что нет? Но если все по-моему вышло, то я уже пару дней как совершеннолетний и к твоему роду не принадлежу. Вот так-то, брат.

— Так это же отлично! Ты счета ему, надеюсь, не сдал?

— Нет, ты что! Это ж твое наследство. Да и что-то вроде блокировки там, похоже, стоит, даже вспоминать неприятно.

— Это хорошо. Значит, слушай и запоминай: счета в Германском и Русском — твои. Считай, это мой подарок тебе, раз ничем другим в жизни не помог.

— Митяй! — Обнимаю брата. — Митяй, мне бы так и так в жизни самому пробиваться пришлось бы. Не бери в голову! За деньги спасибо, конечно, но ты ведь знаешь, что твой дед мне как родной был. И ты мне брат, что бы там ни говорили. И знай, что на меня рассчитывать всегда можешь: чем смогу — помогу. Кто теперь знает, от чего дед меня прятал?..

— Спасибо, Горыныч. Я все боялся, что ты обидишься. А от чего прятал — не знаю. Может, вообще просто мать пожалел? Я ж сам об этом узнал, только когда он умирать собрался.

— Пожалел... Сам-то в это веришь?

— Не знаю, у него же теперь не спросишь.

Есть мне у кого спросить, но это вопрос не сегодняшнего дня. А сегодня ждет меня еще один серьезный разговор. Как бы выдержать его только...

Милославский приехал поздно, уставший. Опять постоянно тер переносицу, но беседу откладывать не стал.

— Ну что, зайка-побегайка, наговорился с братом?

— Наговорился, спасибо. Я могу теперь домой ехать?

— Домой... Хороший вопрос. Дмитрий сказал, что я над ним опеку оформил?

— Сказал. Только я тут при чем? У меня живая-здоровая мать имеется.

— У тебя... Знаешь, стало быть, что вы в роду — приемыши. Только я, как опекун вашего рода, власти над твоей жизнью все равно поболее имею. И власть эта нашим императором подтверждена; или ты и с императорской властью поспорить собираешься? — Ого, сразу с тяжелой артиллерии наступление начал...

— Согласен: с императором не поспоришь. И что же от меня опекуну требуется?

— Не ерничай. Сейчас ты мне как на духу расскажешь, чем два года занимался. И не дай бог где-то соврать... И если ничего за тобой не числится — поедешь в закрытую академию учиться. Аттестат у тебя есть, в школе тебе теперь делать нечего. Как раз с Дмитрием поступишь.

Переглядываюсь с Митькой.

— А ничего, что я не хочу в эту академию ехать? И в ПГБ служить не собираюсь?

Милославский давит на меня тяжелым взглядом:

— А ты собирался всю жизнь бусины в мастерской заряжать? Или наемничать? Вот бы Елизар Андреевич-то порадовался!

Митька с интересом смотрит на меня. Хотя и был в нашем распоряжении почти целый день, но мы больше про его жизнь говорили, да я мать расспрашивал, как она устроилась. Про свои приключения только смешные эпизоды старался рассказывать, чтоб никого не волновать.

— Чем плохи мои занятия? — Я искренне возмущился.

— Тем, что ими ты и у меня заниматься сможешь! — сказал как отрубил. — И пользу государству и роду приносить станешь, и под присмотром.

— А если я на врача, как мать, собирался выучиться? Что, у нас в империи море целителей стало? — нарочно уточняю у опекуна, хотя давно уже для себя все решил.

— В академии и это преподают. Там еще много направлений имеется, найдется из чего выбрать. А с матерью твоей я поговорю. Только думается мне, возражать она не станет.

Что ж, позиция Милославского мне ясна. И все, как обычно, для моего же блага.

— Тихон Сергеевич, зачем я вам? Ну посадите вы меня на поводок — что я от этого сговорчивей стану? Я никогда не хотел в ПГБ служить, и сейчас не хочу.

— А ты не думал, что в твою дурную голову столько секретов понапихано, и это еще наверняка не все?

Мы с Митькой опять переглянулись.

— Да-да, не считайте меня дураком старым! Что я, не понимаю, что ли, что вы мне не все выложили? И нечего тут переглядываться! Я еще из ума не выжил и не скоро выживу! — После вспышки гнева Милославский какое-то время молчит, а потом устало продолжает: — Да и просто по-человечески пойми меня — я за тебя теперь отвечаю. Только нет у меня времени тобой заниматься. Вот выучишься — сможешь сам тогда своей жизнью распоряжаться, а пока мои требования исполнять будь любезен!

Красивая заманушка. Только вот про то, что на первом же курсе все присягу дать обязаны, — ни слова. Или думает, что в закрытом заведении меня обтешут? Или действительно считает, что там мне лучше будет? Жаль, мысли читать не умею.

— Не пойду я в закрытую академию, Тихон Сергеевич... — тихо, но твердо возражаю.

— И почему же?! — Милославский аж багровеет.

— «Сим указом от 10 июля сего года за способствование процветанию Российской Империи дворянского недоросля Васильева Егора Николаевича перевести в полное дворянское звание с правом основать свой род, дабы воспитать потомков его, к славе и процветанию Государства Российского...» — и далее по тексту; ничего не перепутал?

Слов у Тихона Сергеевича нет. Какое-то время он сидит, лишь открывая и закрывая рот, как рыба, но быстро справляется с собой и отмирает:

— Антон!!! — Ого, вот это рев!

В кабинет влетает помощник Мирославского, на ходу готовя какое-то плетение из области *жизни*.

— Антон, дозвонись в канцелярию, — уже почти спокойно отдает приказ мужчина, — кого хочешь подними, но выясни, кому за последние несколько дней родовые указы подписывали! И есть ли среди них дворянский недоросль Васильев Егор?

— Так ведь вечер уже?..

— Антон!!!

— Понял! — Подчиненный скрывается из кабинета, оставляя нас наедине с разгневанным Мирославским.

— Так вот зачем ты в канцелярию губернатора понесся! Ай да молодец! Ай да сукин сын! — И внезапно Тихон Сергеевич начинает хохотать.

— Ну вот скажи, что тебе с такими талантами «на гражданке» делать? — отсмеявшись, спрашивает мужчина. — Тебе же у нас цены не будет!

— Не скажите; мне за два года приключений хватило выше крыши. Такой жизни я точно себе не хочу.

Пока Антон уточняет мою информацию, сидим тихо-тихо. Мирославский только накапал себе коньяку и цедит, обдумывая что-то. Что ни говори, а на рассказах об этом человеке я вырос. И восхищаюсь им вполне искренне. Это ж надо: не имея близкой родни в кланах, не обладая особо сильным источником — выбиться на самый верх и десятилетиями держаться в «топ-100» империи!.. Да его даже клановые уважают и опасаются, не говоря уж о простых смертных. Поэтому мне бы желательно с ним мирно разойтись. Пусть формально я теперь не в его юрисдикции, но где законы — и где мы?

Десять минут потребовалось Антону, чтоб найти ответ на вопрос.

— Так точно, Тихон Сергеевич! Есть такой указ. Вчера в канцелярии оформили. Даже в Москву еще информация не ушла! — докладывает помощник.

Йесс!!!

— А если я своей властью этот указ придержу? — смотрит на меня испытующе один из сильных мира сего.

— А вы с императорской властью поспорить собираетесь? — Возможность вернуть подначку веселит. — Уж не *рэволюционэр* ли вы, Тихон Сергеевич? — с изрядной долей иронии спрашиваю хозяина.

От неожиданности Милославский крикнул, а потом снова захохотал:

— Уел, уел!.. Ладно, коль ты такой прыткий, отпущу. Но не обессудь — блокировку тебе поставят.

А-ха-ха! Как будто меня отсюда изначально собирались без блокировки отпустить! На это мы согласные!

— И приглядывать за тобой все равно будут. Так что я бы на твоём месте ещё подумал — не лучше ли тебе в академии будет.

— Однозначно не лучше. Это Митькина мечта, не моя. И раз уж приглядывать собираетесь — на празднование Дня империи меня Ямины-Задунайские пригласили. А потом я насовсем перебраться в Питер буду. Вот так.

Разумеется, так просто меня не отпустили. Пришлось действительно поделиться толикой информации про свое житье-бытьё в течение двух лет. Хотя бы с целью убедить всех в легальном происхождении миллиона. Часть моей истории Милославский уже знал, хотя и был удивлен, что владельцем «Кистеня» являюсь я сам. Видать, не всё его люди про меня раскопали. Сильно заинтересовало его и похищение Маши Яминой, но тут особо рассказывать мне было нечего — поиски проводились без меня. Одно радует — времени на меня из своего плотного расписания глава ПГБ особо выделить не мог, а официально допросу категорически воспротивился я сам. Одно дело неформально пообщаться с опекуном брата, а другое — вести беседу под протокол. Нет за мной ничего такого (по крайней мере, известного в этом ведомстве), чтоб заставить давать показания.

Что ещё? Немного удивила легкость, с которой Тихон Сергеевич меня отпустил, особенно учитывая мой седой висок — ловили-то по-взрослому, без дураков. Но вроде бы все честно. Блокировку поставили на следующее же утро. То, что особых изменений я не заметил — благоразумно оставил при себе, все равно проверять не собираюсь. Частично мое недоумение развеял сам хозяин:

— Ты, Егор, просто пока не понимаешь, от чего отказываешься. Поговорим об этом через пару-тройку лет. Созреешь еще.

Утром четырнадцатого июля я покинул особнячок советника, надеясь никогда туда не возвращаться. Мой отпуск подходил к концу. Вместе со мной съезжал и Митька — в ту самую закрытую академию, куда меня так настойчиво сватали.

— Береги себя, Митенька! — Матушка целует склоненную голову моего названного брата. — Пиши только, хотя бы изредка, чтоб я не волновалась. Или звони, телефон госпиталя знаешь...

Шум-гам, вокзал. Сопровождает брата в сие таинственное заведение неизменный помощник Милославского — Антон Алексеевич. «Учебка» расположена где-то в пригороде, интереса к местоположению специально не проявлял, мало ли, вдруг это Страшная Государственная Тайна. Хорошо, что у Митяя протекция с самого верха; как я понял, вступительных экзаменов там нет, попасть можно только по направлению. Какое-то первоначальное тестирование на профпригодность будет, но суть испытания от абитуриентов скрывается.

— Удачи, брат! — обнимаю напоследок этого верзилу. — Пиши мамке, я пока бомж, через нее новости про тебя узнавать буду.

— Кто ты?

— Бомж. Это аббревиатура. Без определенного места жительства — как раз про меня.

— Хорошее слово, надо будет запомнить. Бывай, Горыныч; мама... — Разжав объятия, Митька резким движением подхватывает чемодан и скрывается в недрах пригородного поезда. Краем глаза вижу, что Антон кивает кому-то в толпе, прежде чем двинуться вслед за братом. Проследив за взглядом, вижу еще одного молодого человека с чемоданом, который решительной походкой направляется к вагону. Вот и попутчик для Митяя, познакомится хоть с кем-то заранее, всяко не так волноваться будет. Хоть парень и хорохорится, но ехать в неизвестность, которая к тому же определит его дальнейшую судьбу, ему явно страшновато.

Удачи, брат!

Поезда на Москву идут если и не один за другим, то все же часто, так что долго околачиваться на вокзале не приходится.

— Мам, ну все! Я через пару дней вернусь, ну что ты?..

— Опять оба уезжаете... — Маман все-таки не выдержала и пустила слезу.

— Угу, только я-то вернусь вскорости. А Митька... Это ж мечта его исполняется. Не плачь, мам! Станет наш Митька еще генералом, будут его подчиненные бояться! — Попытка разве-селить оказалась провальной, мать расплакалась еще пуще.

— Оба вы теперь не мои...

— Мам, ну что ты глупости говоришь? — Прижимаю к себе эту хрупкую женщину крепко-крепко. — Твои мы. Просто выросли... — Пускаю сквозь нее волну *жизни*. — Пошли-ка вместе, я тебя провожу до автобуса, нечего тебе здесь одной болтаться.

— Так кто кого провожает? — Мать улыбается сквозь слезы.

— Мы с тобой — Митьку. И уже проводили. Едет теперь Митяй навстречу своему светлому будущему. А ты сейчас сядешь в автобус и поедешь к Виктору Афанасьевичу, чтоб одной не сидеть и себя не накручивать. Лады?

— И в кого ты только такой?

— В тебя и деда — других кандидатур нет. Пошли, что ли? А то мне самому скоро уезжать. Я вернусь, мам, совсем скоро!

ИНТЕРЛЮДИЯ ПЕРВАЯ

Тихон Сергеевич привычно стоял у окна и смотрел сквозь сумерки на ворота, через которые еще утром выходили такие разные братья Васильевы. Точнее — Васильев и Васин, и вовсе даже не братья, но эти детали волновали Милославского меньше всего.

Едва слышный скрип двери и знакомые шаги вывели мужчину из созерцательного состояния и заставили обратить внимание на вошедшего.

— Устроил?

— Да, Тихон Сергеевич. Все как вы распорядились, без накладок. Тестирование уже завтра, но я уверен, Дмитрий справится, не зря же мы его весь последний год натаскивали.

— Хорошо. Можешь быть свободен пока. Мне утром к императору, так что потребуешься только после обеда. Отдыхай.

— Тихон Сергеевич...

— ?..

— Можно спросить? — Антон бессленно служил у Милославского уже более десяти лет, так что в некотором роде был даже ближе, чем родной сын, а значит, мог себе позволить некоторые вольности и любопытство.

— Спрашивай.

— Почему вы его отпустили? Вы же сами говорили, что у вас есть указание попрессовать мальчишку. Или пришли другие распоряжения? Оттуда?.. — Антон многозначительно поднял взгляд, намекая на источник новых вводных.

— Нет, все по-прежнему... — Недоумение на лице помощника немного позабавило мужчину. — Ты отчет врачей по Рогову читал?

— Нет, а этот тут при чем?

— Абсолютно ни при чем. Если не считать, что у него был приказ — запугать мальчишку, пока того сюда везут.

— Не совсем понимаю связи...

— Нет никакой связи. И абсолютно здоровый капитан свалился с ног, всего лишь коснувшись сопровождаемого. Который, к твоему сведению, был в блокирующей сбреуе, а трое суток до этого провел в камере для одаренных. Я специально так распорядился, не думаю, что москвичи прямой приказ нарушать стали, ни к чему им это. Как тебе такое?

— Вы думаете, это его рук дело?

— Кроме него самого, точно никто не скажет. Хотя Василий Рогов клянется всеми святыми, что это работа нашего подопечного. Только домыслы капитана к делу не пришьешь. — Милославский вернулся за стол. — Распорядись насчет чайку, что ли? Раз отдохнуть не хочешь.

Антон метнулся отдавать распоряжения. Патрон нечасто баловал его откровениями, несмотря на доверительные отношения; следовало пользоваться моментом.

— Муромский, когда ему поставили вопрос ребром, сказал, что такая возможность существует. Даже взялся повторить; не знаю только, на ком теперь проверить, — продолжил Милославский, получив чай. — Так что делай выводы.

— Вы думаете, он и вас мог? — ужаснулся Антон пришедшей мысли.

— А почему нет? Кто я ему? Опекун брата? Весьма сомнительное родство...

— Но ведь вы не просто опекун? Другой бы на его месте вцепился в такую возможность...

— Антон, вот ты сколько денег за два года сможешь заработать? Начистоту. И не просто заработать, а, допустим, в Самаре, где тебя никто не знает?

Вопрос шефа заставил ненадолго призадуматься:

— Я понял, к чему вы. Нет, миллион я бы вряд ли заработал. Но ведь и ему просто повезло. Или нет?

— Повезло. Повезло наткнуться на заговор и остаться в живых. Повезло заработать миллион. Повезло получить аттестат, не учась в школе. А еще повезло спасти дочку самого князя Кирилла Александровича. И даже получить от него приглашение

на парад в День империи. Получить свой собственный титул. Не много ли везения?

— А третий отдел не мог ему во всем этом помочь? Раз уж они в нем заинтересованы?

При упоминании о подразделении, только формально входящем в ПГБ, а по сути имевшем совсем другое подчинение, Милославский поморщился.

— А зачем им? Егор им послушный для чего-то нужен, иначе давить не требовали бы. Тоже мне, нашли пугало!

— Не скажите, у нашей конторы авторитет такой, что испугаться не грех.

— Знаешь, не нравятся мне эти игры, в которые они играют! Хотя бы потому, что я не понимаю их цели! Пусть сами с мальчишкой как хотят, так и договариваются. — Милославский допил чай и поставил чашку с негромким стуком, ставя точку в разговоре.

Но после небольшой паузы все-таки пояснил свою мысль:

— Не вижу смысла настраивать талантливого одаренного парня против себя и против нашей службы в целом. Он, в отличие от того же Дмитрия — не восторженный юноша «со взором горящим». Именно такие нам и нужны. Так что пусть все идет пока своим ходом.

ГЛАВА 2

Дом, милый дом, как же я рад тебя видеть! Возможность сделать передышку перед нырком в клоаку под названием «высший свет» несказанно радовала. К тому же остались у меня еще в Москве люди, которым я малость задолжал. Нехорошо это. Хватит с меня плодить долги. Как там?.. Есть время собирать камни, есть время их разбрасывать. Пора немного покидаться.

Войдя со света в сумрак ангара, слегка проморгался, прогоняя световые блики перед глазами. Потом проморгался еще раз. Потряс головой. Нет, картина не изменилась: за ящиком, приспособленным нами под стол, в жилой зоне сидел Олег, в двух экземплярах. Правда, привыкнув к тусклому освещению, понял свою ошибку. Второй, хоть и был почти точной копией Земли, но все же имел отличия: какой-то более гладкий и зализанный, что ли... Особенно на фоне бледного пилота. Прямо скажем, видок моего друга оставлял желать лучшего, а у этого незнакомого типа морда так и просила кирпича.

— Егор! — Явно различимое облегчение в голосе пилота насторожило меня еще больше.

— Добрый вечер! Олег, представишь своего родственника? Гладкий скривился:

— И к этому шкету ты пойдешь?

— Егор, этот невоспитанный тип — мой старший брат Анатолий Березин. Анатолий — это Егор Николаевич Васильев, мой будущий глава рода. — Земеля бросает выразительный взгляд на мою правую руку с новеньким непривычным украшением, которую я, честно сказать, не спешил протягивать гостю. Он, кстати, тоже не дернулся.

— Васин, — поправляю пилота.

Есть некоторые плюсы от личного знакомства с главой ПГБ. Печатку и бумаги принесли без лишней помпы прямо ему на дом, так что вместо губернатора руку при вручении мне пожал сам Милославский. И даже позволил своему помощнику Антону запечатлеть этот незабываемый момент на фото. Не знаю теперь, что делать со снимком — то ли в рамочку вставить и хвастаться, то ли спрятать куда подальше как компромат.

— Не скажу, что мне приятно, — процедил Анатолий, — но вынужден уладить некоторые формальности. Вы действительно возьмете этого к себе в род?

Слегка приподнимаю бровь:

— Что вас заставляет сомневаться в словах Олега?

— Могу я увидеть бумаги?

— Олег? — Хамство зализанного начинает выбешивать, но я пока не в курсе обстановки.

— Егор, ты можешь принять меня в род прямо сейчас? Я потом все объясню.

Да что же у него за отношения с семьей?

— Не вопрос.

Иду в свои «апартаменты», достаю заранее заготовленные бланки. В принципе, даже заполнять ничего не надо, только дату проставить, что я и делаю. С некоторым удовлетворением прикладываю к бланку печатку. Оттиск не блещет изяществом, но фамилия Васин получается четко. Дело сделано.

— Вот, пожалуйста; что-нибудь еще? — вопросительно гляжу на неприятного гостя, всем видом давая понять, что лучше бы ему ничего больше не хотеть.

— Вообще-то требуется еще пошлину заплатить и документы сменить, но поверю вам на слово, — тоном человека, делающего мне крупное одолжение, тянет мужчину.

А вот это уже за гранью добра и зла. У Анатолия печатки нет, только обручальное кольцо, на кланового он не похож — не те манеры и одежда. Значок герба на рукаве приколот, но изображение мне незнакомо, да и фамилия не вспоминается, а значит, в первые полторы-две сотни старых или влиятельных родов, которые я знаю, не входит. Так что по принятой в обществе иерархической лестнице я выше его по положению, хотя и младше по возрасту — этому хлыщу, как и Олегу, около тридцатника. И, между нами — *видящими*, по уровню развития источника своему брату он и в подметки не годится — уверенный середнячок, не более.

— Потрудитесь извиниться, вы находитесь в моем доме. — Легкий болевой импульс сбивает с гостя спесь. Теперь он тоже бледный, и разница между братьями практически исчезает.

— Прошу прощения... — восстановив дыхание, выдавливает он из себя. — Раз он теперь ваш человек, то и это ваше. — На стол кладутся какие-то бумаги. — Честь имею.

На полусогнутых этот тип выходит из ангара, оставляя меня в недоумении.

— Что это было? — спрашиваю у Олега.

— А-а... Не обращай внимания! Дурак он просто: привык, что первая шишка у нас в городке, вот и строит из себя. — Пилот устало горбится, а я наконец делаю то, что хотел с самого начала, — запускаю диагностику на него. Ничего особенного, разве что печень и другие потроха в более темном, чем обычно, спектре. Это ж как надо отравиться, чтобы, будучи одаренным, так плохо выглядеть? Легкий запах перегара, который чувствуется на близком расстоянии, не оставляет сомнений в причине отравления.

Беру и листаю оставленные документы.

— Так, так... Разбитое зеркало, подожженная стойка в баре. Штраф за драку, сопротивление при задержании. О! И главный приз — автомобиль! Спаленный! — Не у одного меня, смотрю, отпуск удался. — Двадцать тысяч — это ж почти два грузовика по стоимости! Олег?

Земля поднимает на меня большие тоскливые глаза и снова прячет их за подпоркой из рук.

— Приехал. Как раз на свадьбу попал. Этот вот, — кивок в сторону выхода, — и Аня моя...

— Оу!.. — сочувственно тяну. — Загулял?

— Угу... Извини, деньги свои я почти все уже к тому моменту родителям отдал — они давно от деда съехать хотели, дом строили. Я отработаю, ладно? И спасибо, что с братом помог.

— Вот тут, если можно, поподробнее, я вообще ничего не понял.

Земеля тяжело вздыхает, но пускается в объяснения:

— Дед у нас больной на всю голову. Сто лет; на кладбище с хлебом-солью давно дожидаются, а он все с наследником определиться не может. А род большой, потомков настрогал много. Еще и брат его постарался. Но работать нам невместно никак! Как же! Березины еще при Павле герб получили! Отец и кто помнее из родни — в соседний город бусины заряжать ездят, чтоб с голоду не подохнуть, потому что этот старикашка не разрешает. Отец у деда старший, думал всю жизнь, что титул унаследует, вот и не рвался никуда. А дед на старости лет чудить начал, то одного наследником назначит, то другого, всю родню перессорил. И, главное, было бы из-за чего! Там всего наследства — усадьба разваливающаяся да гонор непомерный. Чего, думаешь, я в армию-то подался?

— Понятия не имею, ты ж никогда не рассказывал.

— А нечего особо рассказывать: как только школу закончил, так из дома сбежал да в армию завербовался, лишь бы от остальной семейки подальше. Дед в сердцах из рода изгнал, не поленился начальнику учебки написать. Мне фамилию новую наш полкан дал. Сиплым записал из-за того, что я как раз охрип — в увольнительной до мороженого дорвался, почти на всю стипендию тогда купил... — Олег долго молчит, прежде чем продолжить, но я его не тороплю, не тот случай. — А Толик у деда последние годы в фаворитах ходил. Еще и Аню как-то уговорить смог, ее-то род гораздо нашего богаче.

— И?

— А тут я вдруг возвращаюсь. Да еще при деньгах. Дед с какого-то перепугу решил, что раз я столько родителям отдал, то у себя еще больше оставил. Вот, захотел в род обратно принять, титулом этим чертовым все соблазнял. Ну мы с Толяном и поцапались окончательно. И так-то после его свадьбы на ножах были. Веришь, чуть до братоубийства не дошло... Еще и родня опять вся перегавкалась. Пришлось сказать, что в другой род вхожу. Толя убедиться приехал, даже медовым месяцем пожертвовал... — Злая усмешка Земели заставляет усомниться, что это обстоятельство его как-то расстроило. — Родителей жалко, им в этой истории больше всего досталось... — печально заканчивает друг.

— Прорвемся! — Крепко сжимаю плечо пилота, пуская целительную волну. — Здравствуй, что ли, дворянский недоросль Васин Олег Петрович?

— Здравствуй, глава рода! Сам-то как? Где гулял-то? Ван сказал, с конца июня не появлялся. Девки-то хоть в Москве целые остались на нашу с Лехой долю?

— Остались-остались. Отдохнул — во! — показываю оттопыренный большой палец, не грузить же его подробностями.

— А седина, видимо, от перетраха взялась? Темнишь, шеф. — Несмотря на слабое освещение, Земеля заметил изменения в моем облике.

А что мне делать, если эта вроде бы мелочь целительством не исправляется? Даже маменька оказалась бессильна, а красить волосы принципиально не хочу.

— Модно так в этом сезоне.

— Ну-ну. Расскажешь?

— А ну его! Проехали. Главное, все хорошо закончилось.

Багажа у меня нет, разбирать нечего. Дорогой костюм, надетый по случаю получения аттестата две недели назад, теперь только на помойку и годится — плохо перенес знакомство с Роговым. Душ и чистая одежда приводят меня обратно в хорошее расположение духа. Еще и вкусные запахи дразнят нос.

— Ты Борю еще не видел? — спрашивает Земеля, оставшийся на ужин.

— Ярцева? Нет еще. Я же только приехал.

— Он, между прочим, у тебя живет. Дня два уже как.

— У?

Китаец, расставляющий блюда по столу, согласно кивает. То-то мне показалось, что вещи в комнате как-то не так лежат. Интересное кино.

— А где он тогда?

— Когда мы пришли, они с Бушариным куда-то направлялись, так что жди, скоро вернутся.

Пожимаю плечами: вернутся — разберусь. Приборов на столе именно на четыре персоны, так что ждать наверняка недолго. И точно, стоило о них вспомнить — появляются.

— Егор! — Борис так рад меня видеть, что почти бросается обниматься, лишь в самом конце, опомнившись, ограничивается энергичным пожатием руки.

— Здравствуйте, Егор! Я вижу, вас можно поздравить? — Александр Леонидович более сдержан, хотя тоже мне рад. Плюс обращает внимание на мою обновку.

— Да, самая дорогая во всех смыслах цапка в моей жизни... — И даже в двух.

— У меня теперь тоже такая есть. — Боря стягивает перчатку и являет миру похожее украшение, только вот радости в его голосе нет никакой.

— Поздравляю! И кто ты теперь? Я вот — Васин.

— Черный! — с некоторым вызовом отвечает новоиспеченный полный дворянин.

Опаньки!

Есть небольшая тонкость: чем меньше общего между старой и новой фамилией, тем дальше от бывшей семьи позиционирует себя новый род. Трудно найти что-то общее между Ярцевым и Черным, совпадающая буква не в счет. Что-то у Бори неладное случилось. Гадать не хочу:

— Помощь нужна?

Борис смущенно бросает взгляд на остальных. Бушарин тут же пытается что-то показать знаками из-за его спины. Да помню я, что вам, профессор, гаситель требовался.

— Понял. После ужина поговорим, хорошо?

Товарищ по экзаменам облегченно кивает.

За едой серьезных тем не поднимаем, даже и не говорим особо. Я соскучился по нормальной пище, у Милославского готовили в основном диетические блюда, полезные для его организма, тюремная баланда вкусовыми изысками как-то тоже не отличалась. Мамины пирожки закончились еще в первой половине дня, а идти в вагон-ресторан мне не хотелось: купить нормальную одежду не догадался, а костюм мой, как уже говорил, выглядел так, словно его пожевали и выплюнули. Так что за этим ужином собеседник из меня никакой. Олег набирает калории после запоя. Александр Леонидович витает где-то в своем мире физики. А Ярцев... тьфу, Черный, мысленно репетирует наш разговор. Нет, я не научился читать мысли, просто у него на лице все написано.

Первым после ужина меня утаскивает все-таки Бушарин.

— Егор! Я знаю, что злоупотребил вашим доверием, но это я позволил Борису здесь остаться. Мальчик так рвался на встречу с вами, а еще ему совсем некуда было идти, как я понял. Поэтому и предложил дожидаться вас здесь, от моего гостеприимства он отказался... — Проф виновато мнется, но я и так понимаю, что ночевать с Борей в одной квартире он просто опасался, так что на собственном варианте не настаивал. Да и Борька вряд ли согласился бы. Одно дело переночевать у товарища-ровесника, а другое — у практически незнакомого человека.

— Понял, вы все правильно сделали, Александр Леонидович. Сами-то хоть успели отдохнуть?

— Мне здесь лучший отдых. И, Егор...

— Я помню про гасителя.

— Отлично! — облегченно вздыхает Бушарин. — С вашего позволения, я еще останусь ненадолго, хочу мысль записать, пока не ушла.

— Конечно, профессор. И я не спросил, вы к переезду в Питер — как?.. Когда будете готовы?

— В Питер? — Стукнутый мешком — именно так называется выражение, возникшее на лице Бушарина.

— Мы на моем дне рождения это обсуждали... — А ведь точно, проф тогда в сторонке стоял курил, мог и не слышать.

— К августу буду готов, если пообещаете помощь Бориса и, конечно, выделите людей для упаковки и погрузки! — Общение с бывшими военными пошло Бушарину на пользу — вон как браво рапортует, и главное — ни тени сомнений.

— Отлично. Тогда запланируем на вторую половину августа. Возможно, вам придется съездить туда заранее, присмотреть жильё и помещение под лабораторию.

— Разумеется. — Озадаченный мужчина прощается и удаляется под купол додумывать свою мысль. Боюсь только, я ее сейчас спугнул новой. Ничего, у профессора голова большая, умная, в ней и больше чем две мысли поместиться должно.

Перехожу к следующему страждущему пообщаться. Суета, но мне, черт возьми, она нравится!

— А что рассказывать? — изливает душу Борис. Сначала он долго просил прощения, что приперся неприглашенным и напросился, пользуясь моим отсутствием, пожить; в общем, извинялся за все. Еще немного, и, по-моему, за свое существование начал бы оправдываться, но мне вовремя удалось повернуть разговор в нужное русло: — Ты знаешь, что у таких, как я, мать всегда при родах умирает?

— Теперь знаю. — Никогда не интересовался подробностями появления гасителей на свет. Если подумать — логично: у кого еще малышу вампирить девять месяцев? Еще, поди, и не всех полный срок вынашивают, или вообще на ранних сроках гибнут вместе с матерью.

— Обычно, если есть подозрения, женщины аборт делают, тут даже церковь не возражает, но моя мать решила меня оставить. Отец сказал, по дураости, но мне хочется верить, что по любви... — Борька шмыгает носом и начинает тянуть *силу* больше обычного, его контроль сильно завязан на эмоции. Все, что

могу сделать, — это прижать расстроенного парня к себе и поделиться *жизнью* и просто человеческим теплом, без всякого подтекста.

— Отец потом долго не женился, все боялся, что я мачеху изведу. Я ведь трех няnek своих убил, и пару охранников — наверняка тоже я... — шепотом признается товарищ. — Нянки у меня вообще дольше месяца редко выдерживали, даже если срывов не было. Потом-то, понятно, научился себя в руках держать, с семи лет контроль не терял! — гордо заявляет мой собеседник. — Ну кроме случая у тебя тогда, — опять сбивается на смущенный тон.

— Ерунда, обошлось же! — успокаиваю.

— А тут отец женился недавно на дочери делового партнера. У них маленький скоро будет... Вот он меня и отделил насовсем. Заставил прошение написать, и миллиона не пожалел!

Рассказывал Борис долго, мучительно подбирая слова, но вкратце его история сводилась к извращенной сказке про Золушку: примерно семнадцать лет назад остался Лев Романович Ярцев вдовцом с двумя мальчишками на руках. И если со старшим было все в порядке, то с младенчиком — сложно: кормилиц и няnek он изводил, если и не насмерть, то здоровья им точно не добавлял, окружающие тоже могли пострадать, не зря же он про двух охранников упомянул. Отцу, понятно, все эти годы не до личной жизни было: если что и случалось, то исключительно на стороне. Но худо-бедно справился: не удушил проблемного отпрыска подушкой, не скинул зимой в прорубь, через все испытания прошел, а это наверняка непросто было. Тысячи раз небось решение покойной жены проклял.

Мальчишка вырос, пора в самостоятельную жизнь выводить. А тут еще и любовь случилась на старости лет. Хотя какая там старость?! Льву Романовичу вроде еще и пятидесяти нет, для одаренного — самый расцвет. Вот и решил глава оградить новую жену и будущего ребенка от опасности.

Не подумал только, что Борис до этого в закрытом мире рос на всем готовеньком и никаких навыков самостоятельной жизни не имеет. Да еще, видимо, слова не те подобрал, чтоб решение свое объяснить. Для домашнего мальчика это оказался серьезный шок. Все, что ему пришло в голову, — сбежать и обратиться к единственному другу за пределами семьи, то есть ко мне.

В конце повествования голос Бориса неожиданно наливается злобой:

— Ничего, я знаю, где эта дрянь бывать любит! Подкараулю, и...

— Отставить «подкараулить»! — срываюсь на армейский лексикон. Мстителя недоделанного тут мне еще не хватало! Да мне бы кто миллион на титул подарил — я б этого человека расцеловать не постеснялся! Вру, конечно, — сразу же подвох начал бы искать, но у меня и желающих как-то не наблюдается.

Полночи потратил на то, чтобы объяснить Борису свой взгляд на его обстоятельства. Тот, конечно, спорил, но в итоге со мной согласился. Отец ему, кстати, еще и нехилый счет в банке отписал — просто на проценты можно всю жизнь жить, если не шиковать. Никак мужик на вселенское зло не тянет, что я изо всех сил и пытался донести до мальчишки. Хорошо еще, вслух «нормальным мужиком» не обозвал, для дворянина это за оскорбление могло сойти.

А еще Ярцев, который теперь Черный, подкованный в дворянских заморочках, предложил создать союз двух родов с моим главенством. Эдакий клан в миниатюре. Хорошая мысль: возможно, стоит и Бушарину такой вариант вместо нашего контракта предложить. Только вот так, сразу... а вдруг потом пожалеет? Интересно, а какие есть возможности разорвать потом такой договор? Озвучиваю свои вопросы будущему вассалу.

Да, я все решил, от таких предложений в здравом уме не отказываются!

— Никак. Пока живы мы оба, этот договор действует. Дети, если захотят, подтвердят. Если пять поколений договор подтверждают, то он считается закрепленным навеки. Нынешние кланы именно так и обрастали союзниками. И не переживай, на самом деле не так уж много у тебя надо мной власти будет, наоборот, это мне гораздо выгоднее.

— Почему? — А я и размечтаться не успел как следует.

— Это только кажется, что мне все равно, какую энергию тянуть. На самом деле гасителям именно *сила* человеческого источника нужна, а вовсе не здоровье окружающих. И нужна в прямом смысле, без нормальной подпитки мы рано умираем. Не знаю, как понятнее объяснить...

— Не надо, я понял. *Сила* одаренных — это как еда. Если ее нет, сойдет все остальное, но только на время, как заменитель, пустышка. Вроде как воды нахлебаться, чтоб чувство голода заглушить. Но долго так не протянешь. Верно?

— Примерно так.

— Слушай, а с бусин тогда?..

— По твоей аналогии, это тоже еда, но так себе — есть с голодухи можно, но именно что с голодухи. Нормально «наесться» можно только напрямую от одаренного. Отец старался мне одаренных для подпитки найти, но чаще именно бусинами приходилось довольствоваться. Так что я кровно заинтересован быть к вашей компании поближе.

Кажется, сегодня ночью у меня появилась еще одна причина проведать Антона Малюту. Потому что союзный договор — это дело такое... серьезное, тем более раз на всю жизнь. Хотелось бы выяснить все заранее.

Воскресенье я и Черный — бывший Ярцев (никак не приывкну к его новой фамилии), проводим в шопинге. Недолюбливаю это занятие, да и словечко не перевариваю, но в русском языке слов для этого дела не знаю. Магазиństwo? Закупочная? В общем, шопинг — он и в другом мире шопинг. Возможно, стоило отложить этот процесс до Петербурга, но не являться же к князю в гости в одежде, купленной в самой обычной лавке? Не поймут-с. Еще, подозреваю, ателье столицы забиты заказами и не возьмутся за пошив даже за очень большие деньги, которых у меня и не особо много, учитывая предстоящие траты на переезд и вообще. Перешеголять высший свет не удастся ни под каким соусом, моя задача — просто выглядеть достойно.

Не буду описывать сам поход и стоны своей жабы, итогом пятичасового марафона стал весьма скромный, по меркам знати, гардероб, несколько предстоящих примерок, а также куча счетов и убитых напрочь нервов. Если б не Борис, который неплохо разбирался во всех этих условностях, типа: «...с костюмом этого цвета полагается надевать только персиковую рубашку, а ни в коем случае не бежевую!» (кто бы еще объяснил, в чем разница: на мой взгляд, обе рубашки были одинаковые!), — эта муть растянулась бы еще на большее время, так что огромное ему человеческое спасибо за помощь.

Вернувшийся Шаман внес недостающую нотку шума в наше царство, и я наконец-то почувствовал себя дома. Леха тоже приехал не один, компанию ему составил подтянутый мужчина лет тридцати—сорока с внимательным и серьезным взглядом. Хотя насчет количества лет я мог и ошибаться, с таким же успехом ему могло быть и пятьдесят. У одаренных, особенно светлых, очень трудно определить возраст навскидку.

— Егор, знакомься: мой бывший сослуживец — капитан Баринов Александр Владимирович, позывной — Бок.

— Егор Васин, будем знакомы. — Жму протянутую руку, после чего вопросительно уставляюсь на пилота. Фамилия смутно знакомая, но никаких ассоциаций данный индивидуум у меня не вызывает.

— Гор, я тут подумал... — Ого, он и это умеет?

— Лучше я сам объясню, — перебивает его гость. — Мы с Алексеем давние приятели, жили в одном городе, потом служили вместе на границе... — Точно, вспомнил: он свидетелем на суде выступал! Были о нем упоминания в газетной шумихе вокруг шалмановско-волковского дела.

— После трибунала, — продолжает тем временем гость, — на нас — тех, кто с ним дружил, — кивает в сторону Шамана, — неприятности посыпались. По отдельности вроде мелочи, но через некоторое время стало понятно, что в части нам больше жизни не будет.

— Волковы?

— Нет, командующий округом — генерал Останин. Он в том деле не очень хорошо себя показал, вот на нас и отыгрался. Двое других быстренько организовали себе перевод, а у меня, к сожалению, такой возможности не было. Пришлось писать рапорт на увольнение, благо выслуга позволяла. Так что теперь я совершенно свободный гражданский человек. И если возможно, хотел бы присоединиться к вам на тех же условиях, что и Алексей. Опыта мне не занимать. Могу и на зарядке работать, именно этим последние два года и занимался. Но хотелось бы, пока позволяет возраст, делать то, чему лучше всего обучен.

Теперь я знаю, в чем состоит моя миссия! Создать личную армию, свергнуть царя, разогнать кланы и насадить по всему миру Великую Демократию (или диктатуру?) имени меня! Иначе с чего бы ко мне идти исключительно бывшим войкам (парочка гражданских не в счет)? Хоть бы кто девочку привез командиру, так ведь нет — каждый мужика норовит: Бушарин — Борьку, но этот кадр хотя бы нам нужен для работы над энергоблоками; Земеля — брата, от которого пришлось избавляться; теперь Шаман — какого-то Бока, фрекен Бок ему в жены! Если еще китайцы приведут батальон своих соотечественников, я точно свихнусь. Революция неизбежна, товарищи!

Ладно, шутки в сторону, стоит присмотреться к потенциальному пополнению.

Внимательно оглядываю гостя.

— Сколько вам лет?

— Тридцать восемь.

— И всего лишь капитан?

— Гор, в подразделениях МБК очень многое зависит от силы дара, — вмешивается в собеседование Шаман.

— Не только. Хотя мои двести сорок три единицы против трехсот шестидесяти единиц Алексея, конечно, не катят, — без малейшего стеснения признается Баринов. — Еще наличие связей играет роль. Тут мы с Шаманом были примерно в равных условиях, но он еще до своих подвигов и основания собственного рода считался наследником отца, а я в своей семье стать главой не смог бы ни при каких обстоятельствах.

Интересное замечание. По последним замерам в училище мой источник выдавал 283 УЕ. Весьма спорная оценка, применяется в основном у военных, поскольку учитывает суммарный потенциал всех углов, но хоть какая-то точка для отсчета. По грубым прикидкам, чисто по сырой силе я превосхожу Шамана процентов на 5—7. И это не считая имеющегося у меня второго аномального темного треугольника. То есть в УЕ, как светлый, я «вешу» сейчас примерно 380—390.

— А триста шестьдесят — это много? — поворачиваюсь к своему пилоту.

— Проходной минимум для МБК — двести двадцать. Обычный клановый показывает примерно триста пятьдесят — четыреста. У Волкова, к примеру, было триста шестьдесят три. Самый сильный, кого я знал, показывал четыреста двадцать, но, может, есть еще круче, — отвечает Шаман, — тут ведь много еще зависит от распределения по углам. Для работы с МБК нужен равномерный разброс, а целителям вроде тебя это совсем не обязательно.

— Это ты сейчас к чему?

— Просто для примера. Этот показатель очень условный.

Сам знаю.

— Земеля?

— Триста пятьдесят три в УЕ.

— Ладно, с этим разобрались. Тогда еще вопрос: мне тут говорили, что кланы опытных пилотов стараются подобрать. С этими товарищами я понимаю: индекс на нуле, никто связываться не захотел, — мотаю головой в сторону своих пилотов, — а вы почему не в клановой гвардии?

— У вас устаревшие сведения. Обученных пилотов сейчас достаточно, конкуренция высокая. И опять же предпочтения отдаются тем, у кого источник помощнее. Если б не несколько трагедий, произошедших двадцать лет назад и выбивших около двух сотен пилотов — я бы не прошел по конкурсу со своими

тогда еще двумястами тридцатью УЕ. А теперь даже с тремя сотками не всех рассматривают.

— Семья? Жена, дети?

— Разведен. Есть дочь десяти лет, живет с бывшей женой.

Мужик спокоен, собран, отвечает по существу. И детство в энном месте уже не играет. Похоже, стоит взять на испытательный срок. Довести до ума один из нерабочих МБК не так уж и сложно. Только чем мне занять эту команду, пока мой проект существует только у меня в голове?

— Чем бы вы хотели заниматься? Летать — это понятно, мы все тут такие. С зарядкой тоже нет вопросов: потребуется — засядете, как все. Чего вы от меня ждете?

— Со слов майора я понял, что у вас есть агентство наемников. Но — в Москве, а вы собираетесь перебираться в столицу, — осторожно, даже вкрадчиво начинает гость, — и для работы в Питере вам потребуется открывать филиал...

— Возможно.

Если честно, на эту тему я еще не думал. Как-то все не до того было. А вот Шаман (кто бы мог его в этом заподозрить!) не просто подумал, но и нашел директора для питерского филиала «Кистеня». Однозначно, Леха вырос в моих глазах!

— Я мог бы взять на себя организационные вопросы по открытию этого филиала и по его работе в текущем режиме. При условии, что на интересные дела я буду ходить с вами.

Вот где собака зарыта! Походу майор не утерпел и слегка прихвастнул нашими подвигами. Минус ему; но плюсы пока перевешивают. Ярослав Владимирович, несмотря на имеющиеся недостатки, меня вроде устраивает, но он хорош именно здесь, в Москве, где у него за время работы скопились связи. В Питере он будет таким же новичком, как и мы, да и не обсуждал я с ним еще возможность переезда. Хотя и стоило бы это сделать до принятия решения по капитану. Не важно, какие сложности есть в нашем общении, Костин — профессионал и в деле разбирается гораздо лучше.

— Не готов говорить на эту тему. Дайте мне несколько дней на раздумье.

— Я согласен и просто рядовым в вашей команде работать, — торопливо уточняет вновь прибывший, уловив мои сомнения.

Удивленно взираю на новичка. С чего бы вдруг такой нездоровый энтузиазм?

— Не удивляйтесь. Во-первых, возможность летать: вы не представляете, что это значит для нас, вкусивших неба. — Не-

правда, представляю, и даже жил с этим. — Во-вторых, как я понял, своих людей вы не обижаете. Сейчас мой глава рода забирает почти половину моих заработков, и это еще не предел, — горько выдохнул Александр.

Вот тут я подвис конкретно: стандартные отчисления в родовой «общак» редко превышали 5—10 процентов. Деньги из этого фонда тратились на обучение подрастающего поколения, еще на что-то вроде пенсии старикам и инвалидам и на «представительские расходы» главы рода. Редко слышал про двадцать процентов. Но чтоб пятьдесят? При таких условиях проще вообще из рода выйти, чем носиться с полудворянским званием недоросля и возможностью прикреплять значок герба на рукав.

— Что же вас держит в семье? — решаюсь уточнить.

— Дочь. Для нее герб — это залог последующей хорошей карьеры и, возможно, более удачного замужества. Мужчинам в этом плане проще, а для мещанки брак с каким-нибудь купцом — венец мечтаний.

Спорная позиция, но имеет право на существование. Никогда не имел детей, так что в психологии отцов плохо разбираюсь. Хотя стремление дать потомкам лучшее, с точки зрения родителей, пожалуй, было присуще многим моим знакомым.

— Давайте так. Заключим контракт, скажем, до конца осени или до Рождества. Работать будете там, где определю, скорее всего, пока действительно в основном на зарядке. А по итогам — решим. — Надеюсь, он не думал, что я вот так, с ходу, брошусь принимать его в свой род и доверю руководство филиалом.

— Я примерно на такое и рассчитывал.

— Тогда по рукам, — очередным рукопожатием скрепляю наше будущее сотрудничество.

Суета, беготня по инстанциям с оформлением новых документов, магазины, ателье и различные конторы съедают все мое время до конца недели. Борьку пристроил к Бушарину, чему оба обрадовались. Черный — возможности отплатить за приют, проф — своим любимым экспериментам. Троицу пилотов озадачил кучей поручений по поводу предстоящего отъезда, так что лениться им теперь тоже некогда. Возражений ни у кого не нашлось, а кое-кто мне вообще двадцать тысяч должен. Как и в случае с Олегом, прием в род Васиных Алексея состоялся буднично и между делом, праздновать это событие без Вани не было настроения. Особо остановиться стоит разве что на нескольких моментах.

Дать вольную китайцам оказалось не таким простым делом, как виделось мне вначале. Загвоздка оказалась в их подданстве. Пришлось даже наведаться к любезному Орбиту с данной проблемой. Из всей чиновничьей братии, с которой довелось пообщаться в этом мире, это, пожалуй, самое полезное знакомство. Четыре сотни, потраченные на него в июне, вернулись обалденными дивидендами в виде свободы от обязательств перед ПГБ, так что и новую задачу я рассчитывал решить таким же образом. Встреча прошла в теплой дружественной обстановке кафе неподалеку от памятного мне здания.

— Представляете, Егор Николаевич... — доверительно делится со мной сотрапезник, — помните шум тогда в здании?

Ну еще бы мне не помнить, если я и был его причиной!

— Да, было что-то такое.

— Это была спецоперация ПГБ!.. — торжественным шепотом просвещает Орбитин, многозначительно тыкая вилкой вверх, словно желая придать дополнительный вес своим словам. — Ловили опасного преступника и рецидивиста, готовящего покушение на нашего генерал-губернатора! Возможно, даже с крупным терактом!

Давлюсь непрожеванной отбивной. Пройдет еще пара месяцев, и в рассказах обывателей всплывут еще более страшные подробности, вроде покушения на честь губернаторши или присутственных дам, попытки захватить в одиночку все здание, может, еще и расстрел заложников припишут...

— Надо же... а я ничего такого не заметил, — справившись с приступом кашля, выдавливаю из себя.

— Ну еще бы, профессионалы ведь работали! В ведомстве Милославского такие зубры служат — не чета нам с вами. Я только на следующий день подробности узнал, какой опасности мы все избежали.

Рассеянно поглаживаю седой висок. Шрам давно рассосался даже под блокираторами, но привычка успела образоваться. Похоже, теперь при мысли о пэгэбэшниках рука так и будет тянуться к бесцветной пряди над ухом.

Гады там служат; Митька не в счет, он еще не успел набраться их ухваток. Впрочем, хорошо, что юрист никак не связывает мой визит и спецоперацию: меньше знает — крепче спит.

Поужасавшись и поохав в нужных местах, удовлетворяя потребность Орбитина в подтверждении его таланта рассказчика, возвращаюсь к цели визита:

— Так что насчет моей просьбы, Николай Свиридович?

— Ничего сложного, — на салфетке этот жук пишет карандашом четырехзначное число, — пара дней — и ваш вопрос будет решен в нужном ключе. Как я понял, срок пребывания на территории империи перечисленных людей превышает необходимый минимум в десять лет, так что не вижу никаких препятствий.

Гляжу на циферки и запихиваю личного хомячка обратно в будку. Попробовал я тут обратиться с этим вопросом обычным порядком, так там столько препон увидели, что взвыл уже на третьем чинуше. После оплаты штрафов за Земелю, тысяча — не такая и большая сумма: цена одного из трех костюмов, шьющихся сейчас в ателье. Учитывая, что я все еще расту, инвестирование в китайцев кажется мне даже более удачным вложением.

— Как хорошо, что я вас встретил, я ведь как раз привез вам сувенир из Петербурга! — Роясь в папке с документами, незаметно вкладываю требуемые банкноты в яркий ежедневник с оттиском Зимнего на переплете, купленный в ближайшей лавке.

Орбитин, глянув мельком за обложку, расплывается в радужной улыбке:

— Тронут, весьма тронут. Зайдите послезавтра, Егор Николаевич, постараюсь отдариться.

— Кстати, о столице. Я ведь, Николай Свиридович, в Петербург насовсем перебираться планирую. Не подскажете ли мне кого-то, с кем в столичном ведомстве было бы так же приятно работать, как с вами?

Собеседник ненадолго задумывается, а потом молча кивает каким-то своим мыслям, прежде чем ответить:

— Могу подсказать, отчего не помочь хорошему человеку. Он, правда, не в администрации работает, а в императорской канцелярии, но с нужными людьми в столице знаком, так что при необходимости сведет с кем надо или посоветует кого. Визитку при следующей встрече подготовлю. Только, не сочтите за грубость, Егор Николаевич, рассчитываю на еще один небольшой сувенир. Пары блокнотиков будет в самый раз. Такие рекомендации дорого стоят.

Караул! Воруют! Грабят! Хорошо, хоть не насилуют. Опять раскошелиться; но что поделать, такие люди всегда нужны.

«Орбитин Григорий Григорьевич, юрист, канцелярия управления делами ЕИВ», — скромно значится на полученной через пару дней белоснежной картонке. И почему я не удивлен? Еще один Гришка в коллекцию, причем этот аж в квадрате.

И стоить его услуги будут, поди, недешево. Ладно, разберемся. Расставшись с дополнительными двумя сотнями, забираю до кучи документы для китайцев и сердечно прощаюсь с юристом. Кто знает, не придется ли снова в Москве решать вопросы...

Под предлогом визита к Антону Малоте навещаю архив и запрашиваюсь на аудиенцию к местной «вдовствующей королеве» — Татьяне Михайловне Арешиной. Понятно, что мадам ни разу не монарших кровей, но за манеру держаться, царственную осанку и умение говорить строго по делу, иначе как «королевой» за глаза ее никто не называл. Вручив купленные специально для нее букет и конфеты, излагаю суть проблемы.

— Союз родов бывает двух видов: равноправный партнерский, когда решения по совместной деятельности принимаются сообща, и подчиненный, когда один род возвышается над другим, — начинает Татьяна Михайловна сеанс просвещения. — Вас именно второй вариант интересует?

— Да, но если можно, хотелось бы коротко и о первом узнать.

— Извольте. Союз создается для решения какой-либо задачи: совместная защита, общее дело, бывают и более экзотические причины, но эти две — наиболее распространенные. Если два рода примерно одинаковы по рангу и готовы вкладывать в общий проект приблизительно равные усилия, не важно, о чем идет речь — о людях, деньгах, имуществе или личном участии, то разумнее создать партнерский союз. Если один род не готов вкладываться наравне с другим, то тот, который тратит больше, получает главенство. Для какой задачи будет создаваться ваш союз?

— Вероятно, общее дело и его защита. — Не говорить же даме правду, что ручного вампира подкармливать собираюсь...

— Тогда в договоре вам необходимо прописать проект, хотя бы его краткую суть, и в рамках этого проекта вы можете распоряжаться средствами вашего союзника по своему усмотрению. — Что приятно, у Татьяны Михайловны нет ни малейших сомнений, кто будет главой нового союза, а я даже не намекал на это. Разве что списать оговорку на женскую привычку гладить мужиков по шерстке, но даже при таком раскладе лесь тонка и искусна, отторжения не вызывает.

Уточнив еще несколько деталей, собираюсь откланяться, как вдруг получаю вопрос в лоб:

— Геннадий, простите пожилой женщине вольность, в моем возрасте некоторая прямота и грубость являются обычным яв-

лением, — достаточно интригующее начало, — скажите, как вас зовут на самом деле?

Теперь, когда основные сложности с ПГБ позади, не вижу смысла скрываться.

— Васин Егор Николаевич, — с коротким поклоном представляюсь настоящим именем.

— А до этого? — Жест в сторону печатки, которую я, голово-тяп, не снял перед визитом. Интересно, сколько еще таких же наблюдательных в архиве? Вряд ли много, да и в легенде сиротки Гены Иванова я больше не нуждаюсь, но прокол, конечно, эпический.

— Васильев, — злясь на себя, коротко отвечаю.

Арешина что-то обдумывает, нахмутив и без того морщинистое чело. Почему-то к этой женщине так и хочется применять величественные эпитеты: «чело» вместо «лба», «дама» вместо «старухи». До сих пор такую харизму ощущал всего у нескольких людей.

— А родом вы?.. — Что-то многовато вопросов, но мадам спрашивает явно не из простого любопытства.

— Из-под Рязани. — Острый взгляд Татьяны Михайловны дает понять, что она сложила два и два. Васильевых на Руси много, даже на Рязанщине хватает, но был один, который затмил всех, особенно в глазах людей ее поколения.

— А я все понять не могла, откуда мне знакомы ваши жесты, — поясняет женщина.

— Вы его знали?

— Было дело.

Судя по тону ответа, подробностей не будет.

— Знаете, Егор, я тут вам подготовила небольшую подборку документов. Немного сомневалась, стоит ли она вашего внимания, но решила отдать. — Из кабинетного сейфа на свет извлекается стопка заполненных папок.

Ничего себе «небольшая»! Да в этой укладке килограмма два бумаги будет, не меньше, — взвешиваю в руке неожиданный подарок.

— Почитайте на досуге. В вас виден потенциал, при хорошем покровителе вы далеко пойдете, но мне бы хотелось, чтоб вы не ошиблись в выборе.

— Благодарю, — немного растерянно отзываюсь на этот спич, — а что здесь?

— Посмотрите дома. Разве что рекомендую не показывать эту подборку случайным людям. Верить или нет изложенным фактам — ваша воля, можете просто считать это бреднями вы-

жившей из ума старухи. — Всем видом Татьяна Михайловна демонстрирует, что выделенное мне время подошло к концу, так что спешу попрощаться. Заинтриговала меня местная королева, уже не терпится почитать, что же именно она мне приготовила.

Спрятав папки в портфель, решил печатку не снимать: для дела, ради которого иду на встречу с Антоном, титул, возможно, потребуется. Как всегда жизнерадостный младший Малюта теперь делит наш закуток с новым работником, так что общаться вышли на полюбившуюся лестницу. Мой новый статус приятель отметил, но менять сложившийся между нами стиль общения не стал, а я тем более к этому не стремился. Пирогом от Вана студент рад не меньше, чем Наташкиным, так что, сожрав первый, дает понять, что готов оказывать консультационные услуги.

— Можешь мне помочь вот с таким вопросом: надо мне выйти на студсовет Московского института гражданского управления?

— Мм... Зачем тебе?

— Надо, Антон.

— Я не любопытствую, просто хочу прикинуть, с кем лучше на эту тему пообщаться. Если по учебе — это к одним надо идти, по работе — к другим, по благотворительности — вообще к третьим.

Коротко задумываюсь.

— Скажем так, дело личное, к перечисленным причинам вообще отношения не имеет. Поэтому мне бы лучше пообщаться с тем, кто влияния там побольше имеет. А каким направлением кто там занимается — мне по барабану.

Антон задумчиво стучит пальцами по перилам.

— Задал ты задачку... У тебя вопрос горит или подождать может?

— Лучше бы, конечно, сейчас. Я в выходные опять уматываю и появлюсь только в конце лета, а там времени у меня тоже немного будет.

— А знаешь, если тебе по личному, да еще чтоб влияние имел... Скажи, лидер их золотой молодежи тебя устроит? — после небольшой паузы спрашивает Антон. — Формально он не в студсовете, незачем просто, но именно по влиянию — не знаю никого, кто был бы круче. Он и парочка его товарищей у отца свои мотоциклы чинят, как раз недавно опять пригнали.

— Еще лучше! Можешь организовать встречу?

— Встречу — нет, не того полета я птица, но если ты завтра к четырем часам к нам в мастерскую подойдешь, то смогу тебя представить, а дальше сам.

— По рукам! — Второй пирог меняет хозяина. И как только в него эта выпечка лезет: недокармливают, что ли, его дома?

Стас Трубецкой, вопреки моим ожиданиям, оказывается не манерным дрищом, а аномально здоровым качком. Из моих знакомых пожалуй разве что Шаман или Земеля могли бы составить ему конкуренцию, но не факт, не факт. А вот в итогах схватки любого из них с этой мечтой каннибала не сомневаюсь ни секунды: больше шкаф — громче падает. И в *силе* не так хорош, как наверняка рисуется перед девочками: есть темный источник, но с ярко выраженным перекосом на *молнию*, а *земля* и *огонь* чуть ли не в зачаточном состоянии, так — сигаретку поджечь или пылинку смахнуть. Но это я вообще-то малость зажрался. По-настоящему сильных одаренных, вроде моей компании или родни, по улицам не толпы ходят, так что этому кадру вполне повезло с наследственностью.

— Ну, — неаристократично тянет этот амбал, — чего надо?

— Просто поговорить.

— Говори при них, это мои люди, — оглядывается Стас на компанию своих приятелей.

— Без проблем. — Мне, наоборот, чем больше ушей, тем лучше: кто-нибудь да запустит нужный мне слух. — Елену Мальцеву знаете?

— Допустим...

— Наверняка знаете: она одно время тоже на мотоцикле гоняла.

— Допустим...

— Точно знаю, что стучит в ПГБ.

— Да за такие обвинения! — бросается на меня один из прилебателей.

Ослабленным *непростительным* (лень придумывать новое название для болевой техники) сбиваю напавшего с ног.

— Эй! Полегче! — кричит главный бугай, но при этом благо-разумно не дергается в мою сторону.

— Ерунда, полежит и отойдет, — на всякий случай пропускаю по пострадавшему целительную волну. — Мне незачем врать и незачем никого убеждать. Я здесь исключительно чтоб предостеречь, дальше — дело ваше.

Аккуратно приблизившись к валяющемуся другу, Трубецкой осматривает несчастного. Поняв, что тот действительно в

порядке, просто слегка дезориентирован, более спокойно подходит ко мне.

— Доказательства?

— Ничего, кроме моего слова, — демонстрирую статусное украшение, — и вот этого, — показываю седую прядь.

— Подробности?

— Считал ее своей девушкой, в гостинице «Север», возможно, нас помнят, — подкидываю дровишек в огонь негодования очухавшегося, но все еще лежащего парня, явно более чем близко знакомого с Леночкой. — Правда, теперь сомневаюсь, что был единственным ее гостем, уж очень услужливо с ней администратор разговаривал. — А вот это — отсебятина, но чем черт не шутит. — Вместо следующего свидания оказался в застенках. Причем никто, кроме нее, не знал ни о времени и месте назначенной встречи, ни о моих грешках.

— Что-то быстро тебя отпустили... для грешника, — сомневающимся тоном тянет Трубецкой, придерживая ретивого товарища, который снова рвется в бой.

— Информация легко проверяется. В «Севере» мы были двадцать седьмого. Взяли — двадцать девятого в канцелярии губернатора, причем ловить начали еще на ступенях, так что свидетелей была тьма. То, что сдала девка, они даже не скрывали, мне это открытым текстом заявили. Почему отпустили — не ваше дело. Вводные к размышлению предоставил, честь имею.

Сделав черное дело, благодарно киваю остолбеневшему Антону, который хоть и не слышал наш разговор, но не видеть разборки не мог, и сматываюсь, избегая лишних вопросов. В том, что нужный слух пойдет гулять по МИГУ, ничуть не сомневаюсь — парни зачастую такие же болтуны, что и девушки, просто лучше притворяются. А там, поверят или нет — дело десятое, карьеры Леночке теперь не сделать, удачное замужество тоже под вопросом. Даже если не поверят про ПГБ, шалав, вопреки мнению кино моего мира, нормальные мужики брать замуж не рвутся. Так что светит Леночке место секретутки (не путать с секретарем — весьма уважаемой мной профессией) при каком-нибудь третьесортном начальнике. Удастся ей покрыть грешки юности папиными деньгами и влиянием — флаг ей в руки, добавлять не собираюсь. Вполне достаточная месть с моей стороны.

Разговор с Костиным выходит трудным. Он и в облегчении, что я уезжаю и стоять над душой больше не буду, и расстроен, потому что пилоты здорово его выручают на проблемных на-

правлениях. Но перебираться в Питер он однозначно не рвется, так что, похоже, Баринову все-таки придется взяться за оргвопросы, если, конечно, никто из моих пилотов не захочет заняться этим сам. Не собираюсь ставить новенького впереди старичков. Впрочем, опросив народ, понимаю, что желающих впрячься в это ярмо, кроме упомянутого капитана, нет, так что на время моего отъезда он остается в «Кистене» на стажировке, вникать в тонкости процесса. Надеюсь, зная, что готовит не конкурента, а коллегу, Ярослав постарается его хорошо научить. Собственно говоря, со мной пока отправится только Земеля, остальные останутся до конца лета тут. Затевать переезд в разгар торжеств — не самая умная идея.

Последней запланированной встречи я не то чтобы опасался, но оттягивал как мог, что иногда делал с заведомо неприятными делами. Пока не настала пятница и откладывать дальше потеряло смысл.

Семейное гнездышко молодоженов Гавриленковых ничем не отличалось по интерьеру от своей более ранней холостяцкой версии: видать, Наташка еще не успела приложить руку к убранству. Неосторожно открывший мне дверь привратник отправился отдыхать от трудов праведных под ближайшим деревом. Ничего, на улице тепло, не простудится. Немногочисленная прислуга и домочадцы тоже внезапно прилегли, так что ничего не могло помешать нашему с Иван Ивановичем разговору.

— Гена, куда пропал? Мы ж тебя обыскались! — фальшиво радуется моему визиту купчина.

— Егор Николаевич Васин, с вашего позволения, — не принимаю игру Гавриленкова, демонстрируя палец с печаткой. По странному совпадению это именно средний палец, так что жест получается многогранным.

Усаживаю купца обратно в его кресло и устраиваюсь напротив, доброжелательно улыбаясь. По-моему, именно эта улыбка и добила мужика, потому что он внезапно покрывается потом и начинает суетиться под моим спокойным взглядом. До сих пор не знал, что можно суетиться, сидя на месте, но Ивану Ивановичу это удастся блестяще.

— Милый дом, просторный, деревянный, дышится легко. От пожара как, застраховались? — Даже если есть у купчины диктофон и он неизвестно как умудрился его включить, мои слова интерпретировать как угрозу никакой суд не возьмется.

Гаврюша сжимается в кресле и как будто немного усыхает. Продолжаю улыбаться, ведь не зря нас учили, что это путь к успеху.

— За-за-застрахован... — отмирает наконец Гавриленков, — Ч-что вы хотите?

— Мм? Хочу предложить вам сделку.

— Какую? — Сделки — его стихия, так что купец слегка превосходит духом.

— Видите ли, Иван Иванович... наше с вами сотрудничество так хорошо начиналось: мастерскую открыли, три заводика запустили. Мелочи какие, а сколько денег нам принесли!

— Это не ваши, это Наташины деньги! — Голос мужчины срывается и дает петуха, писк такого внушительного дядьки режет ухо. Невоспитанно прочищаю пострадавший орган слуха пальцем.

— Оу! Точно, как драгоценное здоровье вашей супруги?

— Не смейте говорить о ней в таком тоне! — Напоминание о жене благотворно действует на собеседника, похоже, здесь и впрямь «чуйства». Смахнув мысленно воображаемую слезу умиления, продолжаю беседу:

— Ну-ну-ну! Так и запишем — здорова! А вот вы что-то бледный такой; может, водички? — Беру с журнального столика стакан и наполняю водой, пользуясь даром.

Выглядит легко и непринужденно, но на самом деле требует запредельного контроля. Не совсем моя заслуга — это единственное действие с *водой*, отточенное мной-Егором до автоматизма еще в раннем детстве бесконечными тренировками. С помощью источника, если отбросить *силу жизни*, только разрушать легко, для созидания эти силы не приспособлены. Наполнить стакан — та еще задачка, мне гораздо проще затопить всю комнату, чем нацедить несчастные двести грамм, да еще не повредив посуду! Но что поделать — требуется не убить купчину, а срубить с него денег. Причем желательно не давая ни малейшего повода обвинить в давлении. Так что понты — наше все!

— Вот, чистейшая! Наверное, даже целебная! — Слегка впечатленный мужчина покорно опустошает поднесенный стакан. Проверено на себе — обычная чистая вода, никакого подвоха.

— И чего вы так всполошились? Наташины деньги можете не трогать, я о них ни слова не говорил! Но у меня и свой пай в вашем деле имеется. Я тут решил переехать, а это такие траты! Да еще раньше вы меня заставили потратиться на переезд от Натальи. А все так дорого! Ужас просто! — Огромных усилий

стоит сохранять спокойный благожелательный тон, когда хочется ржать.

— И что вы все-таки хотите? — справившись с собой, спрашивает купец.

— Выкупите мой пай. И я вас больше не потревожу. Ничего общего у нас с вами не останется, воспоминания оставьте себе.

— Сто тысяч.

Тонюсенское водное лезвие срывается с пальцев и разбивает стакан, все еще зажатый купцом.

— Что ж вы так неосторожно-то, Иван Иванович! Порежьтесь ведь!

— Двести.

— А как ваше здоровье вообще? Сердечко не шалит? В вашем возрасте, да еще с молодой женой, стоит уделять здоровью повышенное внимание. — Заботливо беру купчину за руку, якобы щупая пульс и слегка взвинчивая кровяное давление.

Вырвав руку, Гавриленков некоторое время шумно дышит, успокаивая подскочивший ритм сердца.

— Сколько вы хотите?

— Есть такая замечательная круглая цифра: полмиллиона называется. Давайте сразу на ней остановимся.

Мои пай, конечно, столько не стоят, а вот в сумме с Наташкиными деньгами наберет гораздо больше, хорошо купчина сумел раскрутить наш проект; контракт с администрацией города, который мы с ним отхватили в январе, очень помог в свое время подняться.

— Вы... вы шутите? — Купец неосторожно режется осколком, все еще зажатым в кулаке.

— Нисколько. — Мимоходом, даже не касаясь, залечиваю порез. — Кстати, какой цвет гранита вы предпочитаете?

— К-к-какого гранита?

— Ну как: на памятник... Вы так плохо стали выглядеть, еще и порезались, а я предупреждал вас...

Купец устало молчит некоторое время, а потом решительно достает бланк договора и начинает его заполнять. Люблю понятливых людей, а то уже устал держать сочувственную мину, все время хихикнуть хочется. Спустя полчаса подписываем договор. Аккуратно складываю свой экземпляр и прячу во внутренний карман.

— У меня пока только чек.

— Отлично; вы же не хотите надуть своего бывшего делового партнера?